

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ

Величайшие звезды
МЭРИЛИН МОНРО
и ОДРИ ХЕПБЕРН

Роковые женщины

Виталий Вульф

**Величайшие звезды Голливуда
Мэрилин Монро и Одри Хепберн**

«Яуза»

2013

Вульф В. Я.

Величайшие звезды Голливуда Мэрилин Монро и Одри Хепберн /
В. Я. Вульф — «Яуза», 2013 — (Роковые женщины)

Эти великие женщины до сих пор остаются главными звездами Голливуда, которые с годами не меркнут, а сияют всё ярче. Эти прославленные актрисы стали иконами XX века, зримым воплощением идеала, символами прелести и красоты, легендами на все времена. Кого назовут самыми прекрасными и желанными девять мужчин из десяти? Разумеется, МЭРИЛИН МОНРО и ОДРИ ХЕПБЕРН! Такие разные по характеру и судьбе (одна считалась «секс-бомбой» и любила шокировать публику откровениями вроде «Что я надеваю, ложась спать? Только «Шанель» номер пять!»; другая говорила: «Чтобы продемонстрировать свою женственность, мне не нужно оказываться в спальне. Я могу передать свою сексуальную привлекательность, срывая яблоки с дерева или стоя под дождем...»), эти божественные женщины были схожи в главном – увидев однажды, их уже невозможно забыть! Эта книга – признание в любви самым неотразимым и обожаемым звездам, от потрясающей красоты которых до сих пор замирает сердце, доказывая правоту слов Одри Хепберн: «Проходят годы, но не красота!»

© Вульф В. Я., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Мэрилин Монро	6
Предисловие	7
Норма Джин	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь

Величайшие звезды Голливуда

Мэрилин Монро и Одри Хепберн

В коллаже на обложке использованы фотографии:

20th CENTURY FOX / Entertainment Pictures / ZUMAPRESS.com / Legion-Media;
Cinetext / Legion-Media

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

Cinetext / Legion-Media;

The Movie Company, Globe Photos, KEYSTONE Pictures USA / ZUMA Press / Legion-Media;

20th Century Fox / Entertainment Pictures / ZUMA Press / Legion-Media;

SNAP / Rex Features / Fotodom.ru

www.chebotar.net

© Чеботарь С., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

© ООО «Текстура-пресс», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мэрилин Монро Немеркнущая звезда

Предисловие

Прошло ровно полвека с момента ее смерти, но Мэрилин Монро – ее образ, ее волнующая красота, ее притягательность – до сих пор остается живой: ее образ остается одним из самых знаковых в массовой культуре, одним из самых узнаваемых и цитируемых. Загадка ее личности до сих пор волнует как исследователей феноменов массовой культуры, так и кинове-дов, как рядовых любителей кинематографа, так и простых обывателей, привыкших видеть в образе очаровательной блондинки с копной платиновых кудрей главный секс-символ XX века. Откуда она взялась, как сложился ее облик – такой узнаваемый и неподражаемый, – в чем секрет ее воздействия на умы и мысли зрителей? Почему актриса, снявшаяся в двух десятках весьма слабых фильмов, женщина с удивительно неустроенной, если не сказать откровенно несчастной, личной жизнью, не получившая ни систематического воспитания, ни серьезного образования, стала в сознании миллионов Идеальной Женщиной, самой знаменитой актрисой своего времени, подлинной легендой во плоти? Появившись из ниоткуда и ушедшая в никуда, родившись в омуте загадок и умерев в омуте тайн, как осталась она кристально ясной, уникальной, неповторимой, неоспоримой и незабываемой?

Все эти вопросы за прошедшие десятилетия обросли множеством ответов, но ни один из них так и не привел заинтересованных ни на шаг ближе к разгадке – да и есть ли она, разгадка этой метафизической тайны? Может быть, разложив феномен Мэрилин на составляющие, препарировав ее секрет, разделив его на атомы, мы тем самым не сорвем покров тайны, но просто уничтожим саму притягательность ее образа, привлекающую внимание не в последнюю очередь именно необъяснимостью своего влияния?

Не секрет, что в ее биографии гораздо больше темных пятен, чем точно установленных фактов: большая часть ее жизни не поддается документированию, часть официальных свидетельств противоречива, а часть – как уверены многие исследователи – просто уничтожена. В воспоминаниях тех, кто знал ее, она предстает настолько разной, будто каждый из ее знакомых общался с другой Мэрилин, – иногда кажется, что все эти Мэрилин даже не были знакомы друг с другом и каждая из них прожила свою собственную жизнь, внезапно оборвавшуюся при до сих пор окончательно не выясненных обстоятельствах в августе 1962 года. Может даже сложиться впечатление, что ее жизнь – это лишь не очень хорошо прописанный, но, безусловно, литературно написанный сценарий: столько там повторов, архетипичных мотивов, тщательно выстроенных сюжетных интриг, там есть завязка, развитие, кульминация, трагическая развязка и открытый конец, и даже рождение и смерть в нем закольцованы, связанные единством места и общей загадочностью. Сам образ Мэрилин Монро был словно придуман гениальным творцом – идеальная, цельная, всегда узнаваемая, ей было так легко подражать, но ее совершенно невозможно повторить. Она так банальна каждой деталью своего облика – крашенные в платиновый блонд волосы, пышная грудь, крутые бедра, призывная походка, красные губы, незащитный взгляд и хрипловатый голос – и в то же время уникальна каждым своим проявлением: аурой, воздействием, долгим послевкусием от соприкосновения с нею. Недаром почти каждый из тех, кому посчастливилось с нею встречаться, оставил воспоминания; недаром о ней уже вышло более трехсот исследований, биографий и диссертаций, и каждый год выходят еще; недаром ее двойники и подражатели до сих пор во множестве водятся по всему миру. Мэрилин Монро – синоним притягательной тайны, удивительной загадки, зова плоти, обращенного напрямую к душе, вечный и непреложный символ непостижимой женственности...

Норма Джин

Говоря о Мэрилин Монро, биографы любят рассказывать о родовом проклятии, будто бы неизбежно приведшем ее к самоубийству в августе 1962 года: это одна из самых стойких легенд о Мэрилин и, как ни странно, одна из самых правдивых. Ее предки по материнской линии – об отце кинозвезды и его родственниках можно только гадать – были красивы, несчастливы в лич-

ной жизни и к тому же страдали расстройством психики. Утверждают, что дед будущей звезды под конец жизни был совершенно безумен, ее мать и бабушка провели большую часть своей жизни в различных психиатрических клиниках, а дядя покончил с собой в припадке душевной болезни. Неудивительно, что Мэрилин чувствовала себя обреченной если не на смерть в сумасшедшем доме, то уж на безумие точно. Тем удивительнее и понятнее то упорство, с которым она стремилась вверх, изо всех сил стараясь в то же время сохранить себя в целости: пусть ее личность в какой-то момент будет заменена другой – неизвестную домохозяйку Норму Джин сменил кинозвезда и секс-символ Мэрилин Монро, – но никогда, ни в единый момент, она не перестанет быть собой, и только собой: свойство, несколько странное для профессиональной актрисы, но составлявшее большую часть ее экранного обаяния.

Некоторые биографы высказывают предположение, что Мэрилин была потомком Джеймса Монро, пятого президента США. Впрочем, никаких реальных доказательств этому нет: кроме общей фамилии и смутных слухов, на которые ссылались некоторые родственники Мэрилин, ничто не связывало ее семейство с автором «доктрины Монро».

Исследователи ее биографии смогли докопаться лишь до прадеда Мэрилин, фермера из Миссури Тилфорда Мэриона Хогана и его жены Дженни Нэнс. Известно, что их второй ребенок, дочка Делла Мэй Хоган родилась 1 июля 1876 года в Брансуике, штат Миссури, – ей было суждено стать бабушкой будущей кинозвезды. Через тринадцать лет Хоганы развелись: по тем временам развод был делом почти неслыханным, и молодость Деллы, как и ее брата и сестры, была омрачена эхом их семейного скандала. Чтобы избежать слухов, а также в поисках лучшей жизни миссис Хоган с детьми вскоре переехала в Калифорнию, где климат был мягче, а перспективы больше. В 1898 году двадцатидвухлетняя Делла познакомилась с уроженцем Индианы Отисом Элмером Монро, на десять лет старше ее. По рассказам Деллы, у него были рыжие волосы, зеленые глаза и мечтательный характер, и шрам на левой щеке придавал его внешности романтический оттенок. Через год они поженились.

Биографы описывают Отиса как маляра с артистическими наклонностями: он мечтал поехать в Европу, чтобы учиться живописи у французских художников, картинами которых он любовался на страницах иллюстрированных журналов. Однако до славы живописца ему было далеко, а семью надо было кормить – и Отис принял предложение работы на мексиканских железных дорогах. В 1901 году Монро переехали в городок Пьедрас-Неграс на мексиканской границе (в то время он назывался в честь мексиканского президента Порфирио Диаса, однако после Мексиканской революции вернул себе прежнее название). Делла поначалу скулчала по английскому языку и родным – говорят, она часто стояла на крыльце и смотрела на мост через Рио-Гранде, ведущий в Техас. Но вскоре она освоилась, подружилась с местными женщинами и даже, по словам биографов, давала им уроки «настоящего американского домоводства». В 1902 году, 27 мая, она родила дочь, которую назвала Глэдис Перл – именно ее дочери будет суждено прославиться как Мэрилин Монро. Впрочем, даже сейчас город Пьедрас-Неграс знаменит скорее тем, что там в 1943 году местный повар Игнасио Анайя изобрел начос, а не как место рождения матери будущей мировой знаменитости, а уж тогда это событие прошло и вовсе незамеченным: даже супруг молодой матери не смог присутствовать при появлении на свет своего первого ребенка, поскольку эту причину сочли недостаточно уважительной для того, чтобы уйти с работы пораньше.

Через год Монро вернулись в США – Отису предложили более высокооплачиваемую работу в Лос-Анджелесе. Он работал на знаменитую местную транспортную компанию *Pacific Electric Railway*, однако все никак не мог успокоиться на одном месте: за следующие шесть лет семья сменила десяток домов, и даже рождение в 1905 году сына Мариона ненадолго остановило эти постоянные переезды. Конечно, детям подобная жизнь вряд ли шла на пользу: постоянно переезжая, они не успевали обзаводиться ни друзьями, ни привязанностями и вряд ли ощущали твердую почву под ногами. К тому же Отис был не прочь выпить, а с 1907 года его

стали преследовать странные провалы в памяти: сначала Делла думала, что он просто стал пить больше, чем раньше, но затем к амнезии прибавились головные боли, приступы ярости и припадки. Осенью 1908 года его, уже полупарализованного и полусумасшедшего, поместили в клинику, где врачи диагностировали нейросифилис в последней стадии. Делла часто навещала его, но потом он перестал ее узнавать, и она сочла, что ее общество нужнее ее детям, чем супругу, который даже не в состоянии вспомнить ее имя. Отис скончался летом следующего года: Делла объяснила детям, что их отец умер, допившись до безумия – хотя его сумасшествие было вызвано инфекционными причинами, и она, и ее дети были убеждены, что он страдал врожденным психическим расстройством.

После смерти мужа Делла оказалась в весьма нелегком положении: с двумя маленькими детьми на руках и почти без средств к существованию. По свидетельствам биографов, в этой ситуации она делала все возможное: работала не покладая рук, заботилась о детях и не забывала помолиться в церкви о «сохранности их рассудка». Ее собственное настроение колебалось от глубокой меланхолии до религиозного экстаза, но в конце концов ей было всего тридцать три, она была весьма привлекательна и ее детям был нужен отец – по воспоминаниям, за следующий год она несколько раз обручилась и разорвала помолвки, выбирая среди соседей лучшего потенциального супруга, пока не вышла замуж за Лайла Артура Грейвса, застенчивого и трудолюбивого мужчину тридцати девяти лет, работавшего на электрическую компанию *Otis*. Однако вскоре она поняла, что снова наступила на те же грабли: Лайл много пил, а напившись, буянил. Не прошло и года, как Делла сбежала от мужа и потребовала развода на том основании, что Грейвс «не мог гарантировать ей материальную поддержку, развратничал и хронически злоупотреблял спиртным».

Несколько лет Делла скиталась в поисках лучшей доли, пока в конце 1916 года не поселилась в отеле городка Венеция (как ни странно, штат Калифорния), которым владел некий Джон Ньютон Бейкер – впрочем, чаще его называли Джаспер. Бейкер нанял Деллу в помощницы, чтобы она управляла отелем, пока он развивал пляжный бизнес, а сам увлекся ее дочерью – очаровательной юной Глэдис, которая выглядела старше своих лет: это, равно как и отсутствие документов и знакомых, позволило ее матери заявить, что ей уже исполнилось восемнадцать (хотя на самом деле не было и пятнадцати). Когда в мае 1917 года Бейкер вел Глэдис под венец, та уже была беременна: если бы не лжесвидетельство Деллы, Бейкер вполне мог угодить под суд. Сын Роберт Кермит родился всего через полгода после свадьбы, а еще через два года, в июле 1919-го, на свет появилась дочь Бернис Глэдис Инес. Однако юная миссис Бейкер довольно быстро поняла, что она не готова к роли матери семейства: вспоминают, что Глэдис часто оставляла детей на соседей, чтобы без помех развлекаться, ходить на вечеринки и танцы, пока ее муж работал сутками напролет. Разумеется, это не шло на пользу семейным отношениям, к тому же Бейкер оказался весьма ревнив и даже несколько раз жестоко избивал жену. Глэдис несколько раз уходила от него к матери, но вновь возвращалась, пока наконец в июне 1921 года не подала на развод по причине «крайней жестокости и исключительного морального ущерба» – на что Бейкер выдвинул встречный иск, где были упомянуты «непристойное поведение и похоть».

Делла в это время жила с неким Чарльзом Грейнджером, обаятельным вдовцом, работавшим в нефтяной компании *Shell*. Хотя Делла всюду называла себя миссис Грейнджер, никаких документальных свидетельств их брака биографам найти не удалось. Возможно, Чарльз не спешил жениться на Делле, не желая брать на себя обязанности заботиться о ней и ее дочери; а может быть, он считал, что брак помешает его карьере – до того, как встретить Деллу, он работал в Бирме и надеялся на новые зарубежные контракты. Такой неопределенный семейный статус и постоянные проблемы в семье (Грейнджер, как и прежние мужья Деллы, пил и буянил) постепенно расшатывали ее и так неустойчивую психику, заставляя все глубже погружаться в черную меланхолию. Дочери она ничем помочь не могла: в ее судьбе она с ужасом видела

повторение своей собственной – а кому захочется постоянно видеть перед собой свидетельство собственных ошибок? Когда Глэдис с детьми переехала к ней, Делла с трудом терпела их – и через несколько месяцев мать и дочь со скандалом разъехались.

В мае 1923 года брак Глэдис с Джаспером Бейкером был официально прекращен: по решению суда дети оставались с матерью, однако в один прекрасный день Джаспер зашел за ними, чтобы отправиться погулять, и неожиданно отвез к своей матери в Кентукки. По его мнению, Глэдис не была способна воспитать детей должным образом – возможно, в его утверждении была большая доля правды, однако увозить детей без предупреждения тоже не следовало. Глэдис едва не рехнулась, разыскивая детей, и когда она наконец нашла их, ее душевное здоровье вызвало серьезные сомнения у любого. И Джаспер, и вся его семья не просто не согласились вернуть ей детей, но даже не позволили им видаться. Глэдис поселилась недалеко от бывшего мужа, надеясь, что рано или поздно он смягчится, но все ее надежды были напрасны. В конце концов она, раздавленная и униженная, была вынуждена вернуться в Лос-Анджелес.

Сына она больше никогда не видела – он умер в 1933 году от болезни почек. С дочерью ей удалось связаться лишь в 1938 году; обменявшись несколькими письмами, встретились они лишь в 1946 году. Известно, что сводная сестра Бернис общалась с Нормой Джин, а позже с Мэрилин, – но близки они не были.

Надо отдать должное Глэдис – она не сломалась, не собралась покончить с собой, а лишь встряхнула головой и решила начать жизнь заново. В будущем это качество весьма пригодится ее дочери, которая тоже раз за разом спотыкалась на жизненной дороге, но всегда вставала и продолжала идти вперед. Умение держаться зубами до последнего тоже было одной из семейных черт женщин Монро, наряду с красотой и легкомысленностью.

Глэдис устроилась на работу в *Consolidated Film Industries* – ведущее предприятие по работе с киноплёнкой. В обязанности Глэдис входила нарезка негативов: она работала шесть дней в неделю, часами простаивая на ногах в набитой, как улей, рабочей комнате, в белых перчатках, оберегавших пленку от прикосновений, – но никто не заботился о том, чтобы уберечь от прикосновений голливудских фантазий душу Глэдис. Вырезая из километров пленки нужные студиям фрагменты, она представляла себя вершительницей судеб киногороев, повелительницей кинобогов – не из этих ли фантазий позже появилась на свет ее дочь? В судьбе Мэрилин слишком много совпадений и повторяющихся случайностей, чтобы не увидеть божий промысел или хотя бы дьявольские козни – на выбор. Глэдис, работавшая с киноплёнкой, словно впитывала сквозь белые перчатки волшебство кинематографа – но потребовалось немало времени, чтобы споры, попавшие в душу Глэдис, проросли в ее дочери.

На *CFI* она нашла верную подругу – Грейс Мак-Ки, женщину веселую и легкомысленную, во многом похожую на Глэдис. Грейс была на восемь лет старше своей подруги, второй раз замужем, хотя с мужем она уже давно не жила. Когда-то Грейс мечтала стать киноактрисой, но, несмотря на привлекательную улыбку и немалую целеустремленность, эти мечты так и не реализовались. Один из ее коллег по *CFI* вспоминал: «Эта женщина была как птица... Она была независимой, трудолюбивой и свободной от моральных принципов. Еще она была амбициозной. Но больше всего она хотела ничего не делать... Вечеринки и выпивка были для нее важнее всего, и работа просто давала ей возможность так жить». И Глэдис во всем старалась подражать старшей подруге.

Уже скоро две женщины вместе снимали жилье на Гиперион-авеню в Восточном Голливуде. Они вели жизнь настоящих флапперш – богемных представительниц поколения «новых женщин», без возраста и без забот, чья жизнь была наполнена развлечениями, поклонниками и контрабандным алкоголем. Флапперши коротко стриглись, ярко красились, курили, вели свободный образ жизни – как в социальном, так и сексуальном плане – и мечтали покорить мир парой новых туфель. Хотя вполне возможно, что Грейс и Глэдис просто подражали кинозвез-

дам, которых ежедневно видели на пленке, – Кларе Боу, Луизе Брукс, Оливии Мур, Джоан Кроуфорд и им подобным. Глэдис даже покрасила волосы в рыжий цвет, что еще десять лет назад считалось верхом неприличия, и в то же время, надо отметить, нередко посещала службы в Церкви христианской науки, к которой примкнула ее мать. Эта смесь легкомыслия, религиозности, красоты, веселья, жизненного опыта, очарования и стойкости привлекла к Глэдис ее следующего супруга – летом 1924 года она познакомилась с Мартином Эдвардом Мортенсеном, потомком норвежских эмигрантов, служащим местной газовой компании. Солидный двадцатисемилетний мужчина, Мортенсен выглядел гораздо старше своих лет. Красивый, обеспеченный, щедрый и серьезный, он мгновенно привлек влюбчивую Глэдис, и уже 11 октября 1924 года они поженились. Правда, и этот брак продолжился недолго: уже в мае 1925 года Глэдис бросила Мортенсена. Он долго пытался вернуть ее, но все было бесполезно. Мартин оказался для нее слишком скучным, обычным и к тому же не одобрял развлечений. Официальный развод был получен в августе 1928 года.

Его дальнейшая судьба туманна: по одним данным, он разбился на мотоцикле в штате Огайо в июне 1929 года; правда, сейчас большинство исследователей считают, что это был его однофамилец, а тот Мортенсен, что был женат на Глэдис, скончался лишь в 1981 году – всю свою жизнь он прожил в Калифорнии, в нескольких километрах от Мэрилин, но никогда с ней не встречался.

Когда в конце 1925 года Глэдис поняла, что беременна, она даже самой себе не смогла сказать, кто отец будущего ребенка. Она приехала в дом матери, надеясь на поддержку – как материальную, так и моральную, – однако Делла как раз в то время собиралась вслед за Грейнджером в Юго-Восточную Азию, куда он все-таки получил назначение, и даже внебрачная беременность единственной дочери не могла ее остановить. Брошенная, оставленная всеми, на кого она могла рассчитывать, Глэдис впала в тяжелейшую депрессию – как считается, не первую и далеко не последнюю в своей жизни.

Глэдис родила дочь в 9.30 утра первого июня 1926 года в городской больнице Лос-Анджелеса: деньги за ее пребывание там собрали по подписке ее коллеги по *CFI*. Девочку назвали Норма Джин, и ее отцом был указан Эдвард Мортенсен. Обычно говорят, что имя девочка получила в честь двух кинозвезд – «гламурной брюнетки» Нормы Толмедж и «роковой блондинки» Джин Харлоу, однако в то время Харлоу еще звалась Харлин Карпентер: звучный псевдоним она взяла лишь в следующем году, да и писалось ее имя – *Jean* – не так, как было записано в метрике новорожденной: *Jeane*. А когда через полгода девочку окрестили в Церкви Евангелия в Хоусроне, она была записана в приходской книге как Норма Джин Бейкер.

Самым вероятным отцом Нормы Джин биографы чаще всего называют, конечно, не Мортенсена, который скорее всего не видел Глэдис больше года, а ее коллегу по *CFI* Чарльза Стенли Гиффорда, непосредственного начальника Глэдис, с которым у нее был роман в конце 1923 года и – вроде бы – летом 1925-го. Однако точно известно, что сама Глэдис никогда не называла его возможным отцом своей дочери и никогда не просила у него ни денег, ни какой-либо помощи. Сам он много лет – уже когда Мэрилин была звездой мирового масштаба – отказывался от встречи с нею. Лишь за пару месяцев до ее смерти Гиффорд, лежавший в больнице с сердечным приступом, попросил сообщить ей о том, что он хочет ее видеть. Но Мэрилин уже не захотела. Он пережил ее всего на пару лет...

Хотя официально Норма Джин родилась, когда ее мать состояла в браке, на деле она была незаконнорожденной: даже в те времена, когда сексуальная свобода наконец стала реальностью хотя бы для некоторых, клеймо «рожденной вне брака» гарантированно портило жизнь. Глэдис, хотя и была весьма легкомысленной особой, дочку все же любила – как могла – и предпочла дать малышке хотя бы призрачный шанс на хорошую жизнь: по совету Деллы, вернувшейся домой в середине июня, Глэдис отдала дочку в приемную семью. Ида и Альберт Болендеры были соседями Деллы: эта строгая, добрая, серьезная, набожная пара, как и многие

в то время, получала дополнительный доход, воспитывая приемных детей, – государство или родители отданных на воспитание детей выплачивали таким семьям неплохое пособие. Возможно, методы воспитания, принятые в семье Болендеров, были немного суровы для таких маленьких детей: они искренне считали, что главные добродетели – это дисциплина, чистота, частые молитвы и чтение религиозной литературы, а танцы, карты, алкоголь и кинематограф суть изобретения дьявола. Но Болендеры были добрыми, порядочными людьми, искренне любили детей и считали заботу о них своим высшим долгом – раз Бог не дал им своих, они были готовы так же искренне любить приемных. У них уже был официально усыновленный сын Лестер, на пару месяцев старше Нормы Джин, а также трое или четверо «воспитанников». Очаровательная малышка тоже пришлась им по душе: они были даже готовы удочерить ее, но Глэдис не согласилась. Она периодически приходила в гости к дочке, приносила ей немудреные гостинцы и обещала, что когда-нибудь они обязательно будут вместе. Норма Джин, любившая Болендеров как настоящих родителей (а в данном случае – сильнее настоящих), каждый раз недоумевала, что нужно от нее этой яркой, нервной женщине. Заходила к внучке и Делла: правда, с конца 1926 года ее стали одолевать сердечные болезни и связанные с неудачным лечением побочные эффекты. Делла то впадала в эйфорию, то застывала в прострации, устраивала истерики – в том числе и соседям, – и однажды, когда Болендеры не пустили ее к внучке, разбила им окно локтем. Однажды она, как считается, даже пыталась удушить внучку подушкой, потому что та сильно плакала. Врачи отмечали у нее бред и галлюцинации, и хотя, как считается, они были вызваны инфекциями, поразившими, помимо сердечной мышцы, также и мозг, и неправильно подобранными лекарствами, для Глэдис это было несомненным свидетельством наследственного сумасшествия. Когда Делла 23 августа 1927 года скончалась в госпитале Норвок, в качестве причин смерти наряду с острым миокардитом был указан маниакально-депрессивный психоз.

Глэдис тяжело переживала смерть матери. Из-за депрессии она ушла с работы, но через некоторое время нашла новое место, устроившись монтажницей на студию *Columbia Pictures* (а по субботам подрабатывая на *RKO*).

В 1933 году Норма Джин заболела коклюшем, и Глэдис поселилась у Болендеров, чтобы заботиться о дочке. По ее мнению, девочка была в запущенном состоянии, ведь, занятые многочисленными детьми, Болендеры не могли уделять Норме Джин столько же внимания, сколько собственная мать. И Глэдис решилась наконец поселиться вместе с дочкой в собственном доме. Великая депрессия привела к резкому падению цен на недвижимость – и в то же время к росту кинопроизводства и посещаемости кинотеатров, так что все занятые в киноиндустрии были надежно обеспечены. Осенью 1933 года Глэдис Мортенсен смогла купить двухэтажный домик на Абол-стрит, недалеко от Голливудского бульвара, и перевезти туда дочку.

То время, что Норма Джин прожила вместе с матерью, было самым счастливым для девочки: мать, которая обожала свою новообретенную дочь, позволяла ей гораздо больше, чем обычно родители разрешают своим детям. Она часто ходила с девочкой в кинотеатры и кафе-мороженое, гуляла с ней и разучивала песни из популярных кинофильмов. Наверное, для чувствительного ребенка, какой была Норма Джин, контраст между строгим укладом четы Болендеров и образом жизни матери, обожающей развлечения и не перестававшей водить в дом ухажеров, был невероятным – и тем болезненнее оказалось для девочки внезапное крушение этого веселого и счастливого мира.

Возможно, что Глэдис оказалась не готова к тому, чтобы воспитывать дочь в одиночку: слишком большая ответственность и необходимость постоянно держать себя в руках оказались непосильным бременем для и так расшатанной психики Глэдис. К тому же стало известно, что повесился ее дед по материнской линии Тилфорд Хоган: хотя его мучили постоянные боли от неизлечимой болезни почек и к тому же он серьезно пострадал от Депрессии, Глэдис была уверена, что он покончил с собой опять-таки из-за наследственной душевной болезни. Сама

Глэдис держалась, как могла, но в январе 1934 года после серьезнейшего нервного срыва ее отправили в психиатрическую клинику.

Для Нормы Джин начался тяжелый период. Позже она, рассказывая в многочисленных интервью о своих ранних годах, не раз вспоминала о тяготах, которые пережила ребенком. Правда, она мало что помнила и еще меньше знала наверняка, так что ее рассказы имели мало общего с реальностью, больше напоминая то ли сценарии голливудских мелодрам, то ли рассказы Диккенса: сирота, не знавшая матери, обижаемая жестокими приемными родителями, которые то заставляли ее работать не покладая рук, то просто издевались. Мать она обычно объявляла умершей, о ее родственниках не упоминала – и за созданный ею образ несчастной сироты за Мэрилин прочно закрепилось звание «самой одинокой девушки в Голливуде». На самом деле, как считают биографы, все было не так страшно и жестоко – но от этого не менее безрадостно и тяжело.

Официально опекуной Нормы Джин стала Грейс Мак-Ки – единственная подруга Глэдис. Правда, так никто и не смог понять, почему Грейс согласилась взять на себя заботу о ребенке, которого она плохо знала, не любила и который к тому же явно мешал ей вести привычный ей образ жизни, полный развлечений и случайных связей. Никто не может сказать, как именно она воспитывала девочку, но можно с уверенностью утверждать, что особо ею никто не занимался. Когда летом 1935 года Грейс вышла замуж – как она утверждала, по большой любви – за молодого красавца Эрвина Годдарда по прозвищу Док, Норму Джин просто отвели в ближайший сиротский приют и оставили там на два года.

В первый месяц ее пребывания в приюте в ее личном деле была сделана запись: «Девочка здоровая и нормальная, с хорошим аппетитом. Она кажется счастливой, не жалуется и даже говорит, что ей нравится ее классная комната». Однако приют с его строгой дисциплиной и суровыми – относительно домашних – условиями жизни стал нелегким испытанием для Нормы Джин. Правда, не стоит забывать, что это было, наверное, единственное место, где ее образованию уделяли достаточно внимания: известно, что до приюта девочка едва умела читать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.